

Во всякомъ случаѣ, я на-дняхъ увижусь съ нею и увѣдомлю васъ,—прибавила она.

Въ то же утро Анна Петровна встрѣтила на улицѣ знакомаго члена училищнаго совѣта, который нагло улыбнулся ей и сказалъ:

— О васъ доходятъ до совѣта неодобрительные отзывы. Ежели вы сознаете ихъ справедливыми, то совѣтую принять мѣры.

Онъ не докончилъ, приподнялъ шляпу и удалился.

Дни шли за днями, а отъ Людмилы Михайловны никакихъ вѣстей не приходило. Или забыла, или ничего не могла. Изъ училищнаго совѣта тоже никакихъ слуховъ не было.

Наконецъ, наступилъ сентябрь, и опять начались классы. Анна Петровна едва держалась на ногахъ, но исправно посѣщала школу. Ученики, однакожь, поняли, что она виновата и ничего имъ сдѣлать не смѣетъ. Начались беспорядки, шумъ, гвалтъ. Нѣкоторые мальчики вполне явственно говорили: „съ приплодцемъ!“; другіе увѣряли, что у нихъ къ будущей масляницѣ будетъ не одна, а разомъ двѣ учительницы. Положеніе день ото дня становилось невыносимѣе.

Въ ноябрѣ, когда наступили темныя, безлунныя ночи, сердце ея до того переполнилось гнетущей тоской, что она не могла уже сдержатъ себя. Она вышла, однажды, на улицу и пошла по направленію къ мельничной плотинкѣ. Рѣчка бурлила и пѣнилась; шелъ сильный дождь; сквозь осыпанныя мукой стекла оконъ брезжилъ тусклый свѣтъ; колесо стучало, но помольцы скрылись. Было пустынно, мрачно, безразсвѣтно. Она дошла до середины мостковъ, переброшенныхъ черезъ плотину, и бросилась головой впередъ на понырный мостъ.

Жизнь ея порвалась, почти не начавшись. Порвалась бессмысленно, незаслуженно и жестоко.

Н. Щедринъ.

